

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 342
ББК 67.400

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ФАКТОРОВ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Т. И. Ряховская

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск, Россия)*

В представленной статье автором предпринята попытка конкретизации факторов, влияющих на формирование «конституционной универсальности» и «конституционной самобытности» в российской правовой среде. К факторам, которыми обусловлена универсальность в конституционном праве Российской Федерации, предлагается отнести процесс глобализации, расширения экономического сотрудничества между государствами, неизбежно приводящего к рецепции и выработке общих правил поведения с их последующим внедрением в действующее законодательство «участников» отношений, т. е. интернационализацию, а также цифровизацию. К тем же факторам, которыми обусловлена конституционная самобытность (несхожесть с другими государствами), исследователь относит преемственность, цикличность конституционно-правового развития России, конституционно-правовую традицию и национальную конституционную психологию. В процессе анализа материала автор приходит к выводу о возможности классификации обозначенных факторов на внешние и внутренние, правовые и внеправовые, уточняя, что именно последние наиболее ярко демонстрируют оригинальность отечественного конституционного права.

Ключевые слова: конституционная универсальность, конституционная самобытность, фактор, конституционная психология, цикличность, цифровизация, рецепция, интернационализация, конституционно-правовая традиция.

ON THE ISSUE OF CLARIFYING THE FACTORS OF UNIVERSALITY AND ORIGINALITY IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

T. I. Ryakhovskaya

Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia)

The stated study attempts to characterize the factors that influence the formation of «constitutional universality» and «constitutional identity» in the legal environment of the Russian Federation. The author considers the reasons for universality in Russian constitutional law to be the processes of globalization, the expansion of economic cooperation between different countries, which lead to the borrowing of norms and the creation of general rules of behavior with their further integration into the current regulatory legal acts of the «participants» of relations, that is, internationalization, and also strengthening informatization. The researcher attributes continuity and cyclicity of the constitutional and legal development of Russia,

the constitutional and legal tradition and national constitutional psychology to the same reasons that determine constitutional originality (dissimilarity with other states). As a result of summarizing the sources, the researcher believes that it is possible to classify the identified factors into external and internal, legal and extra-legal, clarifying that it is the latter that most clearly demonstrate the originality of domestic constitutional law.

Keywords: constitutional universality, constitutional originality, factor, constitutional psychology, cyclicity, digitalization, reception, internationalization, constitutional legal tradition.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.5)

Уточнение факторов, т. е. причин и условий существования в конституционном праве универсального и самобытного, на наш взгляд, кажется весьма интересным и актуальным, что связано с попыткой конкретизации смыслового наполнения категорий «конституционная универсальность» и «конституционная самобытность». К тому же научные изыскания, посвященные факторам универсальности в конституционном праве, чаще носят дискретный характер и сосредоточены лишь на точечных примерах, без использования комплексного подхода. Исследования же причин и условий, которые предопределяют самобытное (нетождественное другим), почти не встречаются, что вызывает некоторое сожаление, так как изложенное способствовало бы уточнению пути развития отечественного конституционного права.

Беря за основу идею, высказанную Ю. Ю. Ветютневым о том, что право — один из тех социальных институтов, который обеспечивает связь времен [1, с. 274–286], обратим внимание на существование некоторых общих факторов, характерных для процесса образования государства и развития правовых систем мира. В частности, С. Н. Олейников, С. С. Шестопал, Е. С. Турянская предлагают относить к таковым: 1) исторический тип и форму государства (в частности, чьи интересы государство обеспечивает); 2) тип соотношения права и государства (рецепция, конвергенция национальных правовых систем и их взаимное приведение в соответствие, которое способствует унификации национального законодательства государства и межгосударственных союзов, международных организаций) [2, с. 214–215].

Обозначенное дает основание предположить, что факторы, определяющие черты «конституционной универсальности» в различных государствах могут быть схожими (или даже совпадать), что предопределено общими внешними обстоятельствами, влияющими на развитие государств. Факторы, которыми закладываются черты «конституционной самобытности», запрограммированы внутренними обстоятельствами, которые характерны для каждого отдельного государства. К первым представляется возможным отнести процесс глобализации, расширения экономического сотрудничества между государствами, неизбежно приводящего к рецепции и выработке общих правил поведения с их последующим внедрением в действующее законодательство «участников» отношений, т. е. интернационализацию, а также цифровизацию, ставшую уже давно частью современной жизни. Ко вторым — преемственность, цикличность конституционно-правового развития России, конституционно-правовую традицию и национальную конституционную психологию.

Таким образом, можно предположить, что существует группа внешних и внутренних факторов, влияющих на «конституционную универсальность» и «конституционную самобытность», что связано с различными причинами образования этих категорий.

Некоторыми авторами, например С. И. Архиповым, отмечается, что для отечественного государства «фактор давления внешней среды всегда имел особое значение: татаро-монгольское нашествие, шведские крестовые походы (XII–XIV вв.), польско-литовская интервенция (1609–1618 гг.), вторжение армии Наполеона (1812 г.), германская оккупация (в период Первой и Второй мировых войн), „холодная война” с Западом. В итоге, указанные причины, как „внешняя агрессивная среда”, оказали существенное воздействие на выбор формы государственного устройства, политику Российского государства, на общественный быт и сознание народа» [3, с. 9–10], что не могло в дальнейшем не отразиться на категориях универсальности и самобытности в конституционном праве.

Следует также обратить внимание на то, что государства по-разному реализуют свои внешние функции, однако их «набор» в целом тоже совпадает, но содержательно может иметь отличия.

Например, внешнеэкономическая функция российского государства проявляла себя в том, что экономика, в основном, стала ориентирована на добычу полезных ископаемых, особенно нефти и газа, и реализации их на зарубежные рынки, что привело к «усилению нарастания кризисных явлений в сфере экономики» [4, с. 20] внутри государства, как справедливо замечает М. Н. Марченко. При этом «наличие свободных „ниш” на рынке не повлекло работы над созданием своего производства» [2, с. 215], — пишут с сожалением С. Н. Олейников, С. С. Шестопап, Е. С. Турянская. А между тем, описанные обстоятельства могли бы обеспечить увеличение количества рабочих мест, занятость населения и развитие отечественного производства различных товаров.

Тесное сотрудничество государств в различных областях (экономической, научно-технической и др.) увеличивает вероятность рецепирования ими норм друг у друга, а значит, появления общих конституционно-правовых черт. Например, в Конституции ФРГ (1949 г.) в ст. 20 закреплено, что «вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия» [5, с. 122]; Конституция Французской Республики (1958 г.) содержит в ст. 3, норму, согласно которой «национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума» [5, с. 53]. В Конституции Российской Федерации (1993 г.) мы обнаруживаем в ст. 3: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [6]. Изложенные статьи основных законов государств, принятые в разное время, между собой очень похожи, что говорит об универсальности представленных в них положений.

Вслед за Е. Г. Лукьяновой можно обратить внимание на тенденцию углубления взаимодействия международного и внутригосударственного права, что прослеживается через присоединение Российской Федерации к ряду международных актов (например, в 1973 г. ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; в 2019 г. Конвенции МОТ о минимальных нормах социального обеспечения 1952 г.), и гармонизацию правил и стандартов деятельности органов исполнительной власти с международными моделями, например, в области взаимодействия их с гражданами и организациями [7, с. 11–12]. В то же время Россия в период 2022–2024 гг. денонсировала или приостановила свое участие в некоторых международно-правовых актах, однако действующее законодательство, в основном, по-прежнему соответствует тем правилам, которые были в них установлены, а значит, некоторые его нормы отражают конституционные универсалии, что может приводить к однообразию норм и потере их конституционный самобытности, однако продолжать обеспечивать соответствие международным стандартам.

Развитие «цифровизации», «компьютерных технологий» и «информационного общества» произошло не только России, но и в большинстве стран мира с момента, как активизировался научно-технический прогресс, апогей которого, возможно, мы сейчас наблюдаем. Примечательно, что это явление характерно не только для отечественного государства, но и для других, что, безусловно, порождает и универсальные черты правового регулирования. По меткому замечанию А. А. Саурина: «Цифровизация оказывает непосредственное воздействие на большинство сторон общественной жизни и начинает менять сущностные тренды революционно» [8, с. 27].

Например, Окинавская хартия Глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 г.) представляющая собой обобщенное мнение государства-участников «Группы Восьми», хоть и не имеет императивной составляющей, но содержит признание лидеров государства в том, что: «информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. ИТ быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики» [9]. Именно этот документ стал отправной точкой для формирования внутригосударственного законодательства в упомянутой сфере.

Однако, несмотря на казалось бы весьма активные попытки регламентации различных вопросов в этой области, остается, да и возникает множество проблем. Цифровизация как мировая тенденция (фактор) задает тон для создания универсального регулирования многих вопросов, оставляя все меньше места для сохранения конституционной самобытности государств.

Таким образом, в качестве факторов, определяющих универсальное в конституционном праве («конституционную универсальность»), можно выделить: глобализацию, реализацию государ-

ством внешних функций и вытекающие из них рецепцию и интернационализацию норм, а также цифровизацию. Описанные факторы можно назвать внешними, так как они возникают за пределами правовой системы, но влияют на ее эволюцию. Более того, обозначить их строго определенный набор весьма затруднительно, так как могут возникать ситуации, совершенно неожиданно влияющие на исследуемую категорию «конституционная универсальность». В частности, сегодня немаловажное значение в определении ее объема будут иметь не только географическое расположение государства, но и позиции, которое оно занимает с сфере международно-правовых отношений.

Относительно внутренних обстоятельств (внутренних факторов), обуславливающих черты категории «конституционная самобытность», в которых происходит (происходило) становление самих государств и их конституционных традиций, то они, безусловно, окажутся непохожими, хотя и имеющими общее название: например, революция в России 1917 г. и Великая Французская революция 1789–1799 гг. имеют абсолютно разные последствия для лиц, проживающих на территориях этих стран.

Крупнейшие социальные катастрофы XX в. (под которыми С. И. Архипов предлагает понимать крушение Российской империи в 1917 г. и распад Советского Союза в 1991 г.) тоже внесли немалый вклад в процесс становления государства и отчасти в обособление аппарата управления от народа [3, с. 22–23].

Р. А. Ромашов же считает, что Россия развивается по круговому циклу, внутри которого создаются и разрушаются вертикаль власти и формируемые ею же управленческие отношения. А после революции сохраняются базовые конструкции правовой системы: нормативный правовой акт (закон), правосудие, собственность, меняются только их наименования, формы, субъекты и другое, но не их природа и функции [1, с. 298–299], что подтверждает идею цикличности развития конституционного права.

Полагаем, «цикличность» является фактором трансформации правовой действительности для России и обладает определенным своеобразием. Следовательно, ей обуславливаются черты отечественной «конституционной самобытности».

При этом, по меткому замечанию Е. С. Аничкина и Н. В. Бочаровой, «и содержание Конституции, и реализация ее положений зависят от внеправовых факторов влияния, что указывает на их первичность» [10, с. 85] по отношению ко всем иным.

Следовательно, можно предположить, что главная роль в определении конституционной самобытности принадлежит культурному фактору, «поскольку именно он, прежде всего, вносит в общественную и государственную жизнь стабилизирующее начало, придает ее развитию оптимальный темп» [11, с. 26]. По нашему мнению, в качестве элементов этого фактора могут быть определены конституционно-правовая традиция России и национальная «конституционная психология».

К проявлениям первой можно было бы отнести:

- многообразии народов и наций, проживающих на территории отечественного государства, нашедшее свое закрепление в категории «многонациональный народ»;
- существование различных религиозных конфессий на территории одной станы и их уникальное мирное сосуществование;
- черты державности (восприятие роли своей страны как великого и неделимого государства); общинности (коллективизма) [12, с. 30], сохранившиеся с давних времен и успешно поддержанные советской властью, что отмечено Ю. И. Скуратовым;
- усиливающийся «духовный и политический разрыв между правящим слоем и народом, когда власть не воспринимает его как партнёра, следствием чего является низкая самостоятельность и аполитичность населения» [13, с. 188–189], а также укрепление традиции нигилистических правовых воззрений;
- установившийся давно и вновь вернувшийся «приоритет государства над частными институтами, сформировавшийся в обществе» [14, с. 61];
- присутствующий в России в различные периоды времени «институт бессменного правителя (монархия)» [15, с. 71] и персонификация власти: ее основной носитель в восприятии народа только глава государства;
- и иное.

Обозначенные черты конституционно-правовой традиции России еще раз иллюстрируют, что она существует и может быть рассмотрена не только с формально-юридической точки зрения, как преемственность норм, но и как сложившиеся негласные правила поведения, минувший и возникающий практический опыт.

Следовательно, представляется уместным уточнение «социально-психологического» элемента традиции: национальной конституционной психологии, которая может являться внеправовым фактором, влияющим на содержательное наполнение категории «конституционная самобытность».

В этом контексте национальная конституционная психология представляет собой сложившийся в сознании людей образ не только собственного опыта участия в конституционно-правовых отношениях, но и восприятие предшествующих примеров. Это эмоции, возникающие в процессе практики реализации конституционно-правовых норм.

По интересному наблюдению С. А. Денисова, «принятие репрессивных законов может вызывать страх или ненависть к правящей группе» [16, с. 4], «недоверие к органам власти может порождать отказ от реализации своих политических прав или, наоборот, активную поддержку оппозиции, вплоть до готовности участия в революции и свержении тирана» [16, с. 5], а «нормы, написанные в текстах законов, не будут работать (будут оставаться формальными), пока не станут частью сознания людей» [16, с. 6].

По версии В. Н. Пристенского, идея свободы так и осталась несоединенной с идеей нормативности: в мыслях обывателя правовая норма не входит в систему социальных норм, а значит, понимание процесса правового регулирования как такового отсутствует. Это связано с этатистским типом правопонимания, т. е. право воспринимается исключительно в аспекте государства, а не личности и общества. Смысловый акцент смещается в сторону императивности, а «свобода не рассматривается как исходная предпосылка, необходимая для жизнедеятельности человека» [17, с. 28].

Таким образом, конституционная психология как внеправовой фактор конституционной самобытности выступает катализатором формирования оригинальных конституционно-правовых норм, институтов и правовых отношений, возникающих на их основе.

Из сказанного выше следует, что помимо предложенного деления на внешние и внутренние факторы, не исключена их группировка по основанию отражения их в нормах права. К таковым будут относиться: правовые (имеющие результат в виде существующих норм права), способствующие формированию конституционной универсальности (рецепция, интернационализация) и способствующие формированию самобытности (преемственность). Внеправовые: факторы, определяющие черты «конституционной универсальности» — глобализация и цифровизация; факторы, определяющие черты «конституционной самобытности» — преемственность, цикличность конституционно-правового развития России, традиционность и национальная конституционная психология.

Постоянно трансформирующаяся обстановка за пределами Российской Федерации и в ней: пережитая пандемия с ее ограничениями, изменение взаимоотношений власти и личности в этих обстоятельствах, действия отечественного государства в условиях антироссийских санкций — все это представляет собой «вызовы» современности, в условиях которых несколько ослабляет свои позиции «конституционная универсальность» и усиливается «конституционная самобытность».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ромашов Р. А., Ветютнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. Право — язык и масштаб свободы : монография. СПб. : Алетей, 2015. 448с.
2. Олейников С. Н., Шестопап С. С., Турянская Е. С. Динамика современного законодательства: типичные (классические) и нетипичные факторы содержательной эволюции // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, №3 (28). С. 213–219.
3. Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 2: Цивилизационный выбор // Российский юридический журнал: Электронное приложение. 2022. №4. С. 5–26.
4. Марченко М. Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica (Русский закон). 2018. №5 (138). С. 19–32.
5. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия: учебное пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. 608с.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020): Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном Интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. (дата обращения: 29.05.2024).
7. Лукьянова Е. Г. Правовая система России: современные тенденции развития // Труды Института государства и права РАН. 2016. №6. С. 6–23.
8. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. №8. С. 26–31.
9. Окинавская хартия Глобального информационного общества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 29.05.2024)
10. Аничкин Е. С., Бочарова Н. В. Особенности факторов развития конституционного законодательства Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2015. №6 (73). С. 81–87.
11. Баранова О. В. Факторы развития современного российского права // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. №3. С. 26–30.
12. Скуратов Ю. И. Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития : монография. М. : Проспект, 2021. 416 с.
13. Аничкин Е. С., Матаева М. Х. Конституционная психология в российской среде // Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Е. С. Аничкина, А. А. Васильева, Д. В. Каширского, Н. В. Сабельниковой. Барнаул, 2018. С. 187–191.
14. Дорская А. А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния : монография. СПб. : Астерион, 2016. — 246 с.
15. Денисов С. А. Конституционная цивилизация и Россия // Зиновьевские чтения «Я глубоко русский человек...» (к 100-летию А. А. Зиновьева) : материалы Международного научного форума, посвященного 100-летию со дня рождения выдающегося российского мыслителя и писателя А. А. Зиновьева / ред.-сост. А. В. Зябликов. Кострома, 2023. С. 68–74.
16. Денисов С. А. Конституционная психология как наука // Конституционное и муниципальное право. 2022. №6. С. 3–9.
17. Пристенский В. Н. Проблема универсальности права, ее философско-антропологический смысл // Философия права. 2007. №3 (22). С. 25–29.